

УДК 811.511.151

С. С. Сибатрова

РУССКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СИСТЕМЕ СОЮЗОВ МАРИЙСКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена определению состава и места русских заимствований в системе союзов марийского языка. По результатам исследования, из русского языка вошло около половины сочинительных (14 единиц из 27) и более одной трети подчинительных (13 единиц из 36) союзов. В целом русские заимствования составляют чуть менее половины всех марийских союзов (27 единиц из 63, или 42,9 %). Остальные союзы имеют собственно марийское (30 единиц, или 47,6 %) и тюркское (6 единиц, или 9,5 %) происхождение. Наибольшая часть союзов-русизмов (19 единиц, или 70,3 %) используется прежде всего в разговорной речи, только 8 единиц (*да* 'да, и', *ни... ни* 'ни... ни', *а* 'а', *но* 'но', *але... але* 'или... или', *то... то* 'то... то', *пуйто* 'будто', *кеч* 'хоть') активно функционируют и в литературных языках. Следовательно, русские союзы заимствовались и заимствуются марийским языком более всего через устную речь. Однако в истории языка на появление отдельных союзов определенное влияние могли оказать и переводы текстов религиозного содержания, о чем свидетельствует наличие таких союзов, как *а* 'а', *и* 'и', *ни... ни* 'ни... ни', *но* 'но', *ито* 'и то', уже в тексте перевода катехизиса 1804 г. Судя по структуре, в марийский язык проникли в основном простые союзы, только 5 единиц восходят к составным источникам: *потомушто* 'потому что', *ато* 'а то', *ито* 'и то', *нето... нето* 'не то... не то', *так что* 'так что'. Как видно, на формирование системы марийских союзов (значит, и на развитие сложных предложений и предложений с однородными членами с союзной связью) большое влияние оказал русский язык.

Ключевые слова: марийский язык, союз, русское заимствование, тюркское заимствование, собственно марийский.

Уральский и финно-угорский языки не знали союзов, в них была развита бессоюзная связь между однородными членами предложения и между самими предложениями [см.: 38. С. 254–255; 18. С. 215, 384; 19. С. 112]. По мнению П. Хайду, «союзы сформировались в отдельных уральских языках независимо» [38. С. 254]. Их появление и пополнение в уральских, в т. ч. в финно-угорских, языках, как известно, были и находятся в прямой зависимости от развития союзных сложных предложений, а «употребляемые в современных финно-угорских языках

союзные сложносочиненные и сложноподчиненные предложения формировались параллельно и сравнительно поздно» [18. С. 384].

В ходе изучения исторической грамматики марийского языка И. С. Галкин пришел к заключению, что союзы в марийском языке, как и в других финно-угорских языках, «появились относительно поздно», что также «связано главным образом с развитием системы сложных предложений, которые в марийском языке активное развитие получили лишь в период тюрко-марийских и русско-марийских языковых контактов. Не случайно поэтому то, что из всех имеющихся в марийском языке союзов собственно марийскими являются только четыре: *гын* ‘если’, *гынат* ‘хотя’, *ден* ‘и’, *манын* ‘чтобы, что’» [6. С. 159; также: 5. С. 176]. На основе наличия ряда общемарийских, а именно вышеназванных собственно марийских, союзов К. Е. Майтинская утверждает, что «уже в прамарийский период союзы составляли довольно развернутую категорию служебных слов» [19. С. 112].

В современном марийском языке союзы, как и слова других лексико-грамматических категорий, довольно разнородны по своему происхождению. Наряду с собственно марийскими, они объединяют заимствованные единицы, восходящие к русским и тюркским источникам. Как и в большинстве финно-угорских языков («в карельском, ижорском, вепском, водском, финно-волжских, пермских, обско-угорских» [19. С. 104]), марийские союзы заимствованы прежде всего из русского языка.

Настоящая статья посвящена определению состава и места русизмов во всей системе марийских союзов. Для этого составлен максимально полный перечень союзов, среди которых разграничены собственно марийские и иноязычные – русские и тюркские (заметим, что история отдельных союзов, в особенности литературных норм, в целом хорошо известна, в общем отражена в трудах по исторической грамматике, имеются попутные замечания по этому поводу в исследованиях по современной морфологии, синтаксису, лексикологии). Статья написана на основе фактических материалов, теоретических положений и этимологий, содержащихся в работах по описательной и исторической, а также сопоставительной грамматикам марийского языка [21, 32, 33, 5, 17, 10, 11, 12, 1, 2, 36, 35, 24, 39, 20, 4], по русским заимствованиям [23, 16]; кроме того, на базе лексических данных современных словарей, прежде всего – многотомного «Словаря марийского языка» (1990–2005); при необходимости привлекались факты диалектных и этимологического словарей [14, 8, 9]. В данной работе происхождение союзов освещено по группам, традиционно выделяемым в зависимости от их семантических особенностей – характера выражаемой синтаксической связи и отношений. Вначале представляется весь ряд союзов описываемой группы (при единицах, отраженных в источниках как союзы в той или иной мере ограничено, даются ссылки), при этом с помощью соответствующих сокращений (в. – восточное наречие, г. – горное наречие, л. – луговое наречие, с.-з. – северо-западное наречие марийского языка; также использованы сокращения: башк. – башкирский язык, рус. – русский язык, тат. – татарский язык, чув. – чувашский язык) указывается ареал их распространения (за исключением общемарийских и широко распространенных единиц), фонетически отличные союзы лугового и горного наречий даются через косую линию /. Вслед за ссылками (при их наличии)

в круглых скобках отмечаются случаи иной классификации или иного определения названного союза. Затем рассматриваются русизмы, указываются их источники с конкретными ссылками о заимствовании из русского языка. Для приблизительного представления времени наличия (возможно, и появления) союза-русизма в языке отмечается первая фиксация его в письменных (рукописных или печатных) источниках на основе данных, составленных Н. И. Исанбаевым в книге о русских заимствованиях [16]. Чтобы отразить особенности употребления заимствований в языке, в т. ч. в литературных нормах, при союзах, распространенных только или более всего в разговорной, обиходной речи, используется помета *разг.* Далее кратко излагается история собственно марийских союзов и тюркизмов. В целях более конкретного и наглядного отражения места русских заимствований в системе марийских союзов проведены количественные подсчеты в зависимости от происхождения союзов (как в отдельности для групп, так и в целом для всей системы). Нужно заметить, в статье союзные слова не рассматриваются, ибо в их качестве выступают вопросительные местоимения и местоименные наречия, являющиеся, как правило, исконными.

Надо сказать, марийские союзы требуют специального глубокого изучения, в ходе которого необходимо установить их полный лексический состав, в т. ч. по диалектам, при этом отграничить их от подобных слов других частей речи, прежде всего – от частиц, а также от союзных слов; провести четкую многостороннюю классификацию со стороны их семантических, синтаксических, структурных, стилистических и других особенностей, ибо в настоящее время некоторые союзы (или не союзы) квалифицируются специалистами весьма по-разному.

Итак, судя по источникам, в марийском языке более 60 союзов, включая (известные) диалектные и используемые в разговорной речи. По характеру оформляемой связи принято делить их на сочинительные и подчинительные.

Сочинительные союзы

Сочинительные союзы употребляются для выражения связи между однородными членами предложения и между предикативными частями в составе сложносочиненного предложения. В зависимости от передаваемых отношений они по традиции подразделяются на 3 группы.

Соединительные (9 единиц): *да/дä* ‘да, и’ (с.-з. *dä, da, däj, täj* [13. С. 199; 14. С. 44]), также обладает противительным значением ‘да, но’; *ден/дон* ‘и’; *ни... ни*, л. *ны... ны* ‘ни... ни’; *и* ‘и’ (представлен в ряде источников); л. *тыгак* ‘также’ (в источниках отмечается как присоединительный); *-ат/ат, -ät* ‘и’ (в источниках представляется чаще всего как «союзная частица»); л. *веле огыл... но тыгак* ‘не только... но и’ [21. С. 150; 20. С. 363] (в горном наречии также используется *веле агыл... тенгеок*); *веле огыл... -ат/веле агыл... -ат, -ät* ‘не только... но и’ (противительный [10. С. 14], градационный [2. С. 106], парная частица в роли союза [36. С. 156]); л. *гына огыл...-ат, гына... -ат, веле... -ат* ‘не только... но и’ (парные частицы в роли союза [36. С. 156]); последние две единицы (*гына... -ат, веле... -ат*) никак не подтверждены примерами и в настоящей статье не рассматриваются. В работах по сопоставительной грамматике марийского и русского языков без какой-либо иллюстрации приводится также пара *кузе... тугак* ‘как...

так и' [21. С. 150; 20. С. 363], где *кузе* 'как' является, на наш взгляд, обычным союзным словом.

Из них русскими заимствованиями являются 3 союза:

да/дä 'да, и' < рус. *да* [33. С. 13; 5. С. 177; 7. С. 79; 23. С. 70; 17. С. 86; 10. С. 14; 19. С. 103; 1. С. 50; 2. С. 106; 20. С. 363; 16. С. 36; также: 9. С. 250]. Впервые зафиксирован в письменном источнике вт. пол. XVIII в. [см.: 16. С. 36];

ни... ни, л. *ны... ны* 'ни... ни' < рус. *ни... ни* [23. С. 70, 105; 17. С. 86; 10. С. 14; 1. С. 50; 2. С. 106; 16. С. 61]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XIX в. [см.: 16. С. 61];

и 'и' (разг.) < рус. *и* [10. С. 14; 1. С. 50; 2. С. 106, 109; 16. С. 40]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XIX в. [см.: 16. С. 40].

Другие союзы развились в самом марийском языке, т. е. являются собственно марийскими: *ден/дон* 'и' преобразовался из послелога *дене/доно* 'с, вместе с' [5. С. 178–179, 182; 7. С. 97; 10. С. 14; 19. С. 99; также: 9. С. 260]; л. *тыгак* 'также' произошел от наречия *тыгак* 'так же' (< собственно марийское наречие *тыге* 'так' + выделительно-усилительная частица тюркского происхождения *-ак*); *веле огыл... -ат/веле агыл... -ат, -äт* 'не только... но и' (исконно марийский [10. С. 14]), л. *веле огыл... но тыгак, гына огыл... -ат* 'не только... но и', несмотря на то, что их отдельные компоненты восходят к разным источникам, сложились на почве марийского языка, его отдельных диалектов. Частица *-ат/-ам, -äт* 'и', по предположению И. С. Галкина, финно-угорского происхождения [5. С. 184; 7. С. 81]; по мнению К. Е. Майтинской, «восходит, вероятно, к *t*-овому указательному местоимению» [19. С. 126], согласно Ф. И. Гордееву, «возможно, <...> отражает следы иранского влияния» [8. С. 160]; во всяком случае, частица *-ат/-ам, -äт* приобрела союзную функцию на почве марийского языка.

Противительные (6 единиц): *а* 'а' («сопоставительный» [1. С. 49]; «сопоставительно-противительный» [2. С. 106], противительный и присоединительный [25. С. 20], «присоединительный» [20. С. 363]); *но* 'но'; *туге гынат/тенге гëнят* 'но, однако, несмотря на это'; *только* 'только, но, однако' [36. С. 148; 31. С. 146]; *ито* 'и то' (редко употребляющийся в литературном языке [1. С. 49, 191; 2. С. 106; 20. С. 366], присоединительный [26. С. 77]); *зато* 'зато, а' [33. С. 37; 23. С. 70; 25. С. 471; 24. С. 256].

Почти все они (5 единиц) восходят к русским источникам:

а 'а' < рус. *а* [33. С. 13; 5. С. 176; 7. С. 79; 23. С. 70, 88; 17. С. 86; 10. С. 14; 8. С. 30; 19. С. 103; 1. С. 109; 2. С. 106; 39. С. 163, 257; 16. С. 30]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XIX в. [см.: 16. С. 30];

но 'но' < рус. *но* [33. С. 13; 5. С. 176; 7. С. 79; 23. С. 70, 106; 17. С. 86; 10. С. 14; 2. С. 106; 39. С. 163, 257; 16. С. 61]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XIX в. [см.: 16. С. 61];

только 'только, но, однако' (разг.) < рус. *только* [23. С. 118; 16. С. 86; 4. С. 98]. Впервые зафиксирован в письменном источнике вт. пол. XIX в. (правда, часть речи не отмечена) [см.: 16. С. 86];

ито 'и то' (разг.) < рус. *и то* [1. С. 191; 2. С. 106; 20. С. 366];

зато 'зато, а' (разг.) < рус. *зато* [23. С. 70].

Только противительно-уступительный союз *туге гынат/тенге гынят* ‘но, однако, несмотря на это’ собственно марийский (исконно марийский [10. С. 14]) < собственно марийское наречие *туге/тенге* ‘так’ + собственно марийский союз *гынат/гынят* ‘хотя’ (см. ниже). Правда, Г. Берецки видит в нем кальку из тюркских языков [39. С. 257].

Разделительные союзы (11 единиц): л. *ала... ала* ‘не то... не то’; *але... але/äли (äль)... äли (äль)* ‘или... или’ (*але/äли (äль)* функционирует и в пояснительном значении ‘или’ [25. С. 68]); *то... то* ‘то... то’; л., в. *я...я, в. йä... йä* ‘или... или, то... то’; л. *теве... теве* ‘то... то’ [36. С. 149; 31. С. 72; 20. С. 363] (частица в значении союза [10. С. 15; 11. С. 87]); л. *ма... ма* ‘ли... ли’ [36. С. 149; 28. С. 6]; *или* ‘или’ [23. С. 97]; *ли... ли* ‘ли... ли, не то... не то’ [27. С. 340]; г. *tä... tä* ‘не то... не то, то ли... то ли’; г. *äнят... äнят*, в левобережных говорах *нят... нят* ‘не то... не то, то ли... то ли’ [24. С. 257], с.-з. *н’ät... н’ät* ‘или... или’ [13. С. 199]; г. *льывы... льывы, ливы... ливы* ‘либо... либо, или... или’ [23. С. 70, 102; 3. С. 204]; г. *нето... нето* ‘не то... не то’ [23. С. 70]. З. В. Учаев в ряду разделительных союзов приводит (без иллюстрации) парные единицы *теве... я, але... я* [36. С. 149], которые в настоящей статье не рассматриваются.

Из русского языка заимствованы 6 союзов:

але... але/äли (äль)... äли (äль) ‘или... или’ < рус. *али, аль* [34. С. 17; 5. С. 177; 7. С. 79; 23. С. 70, 88; 17. С. 86; 10. С. 14; 19. С. 103; 39. С. 163, 257; 16. С. 30, 40]. Согласно Ф. И. Гордееву, «заимств. из тат. яз.» [8. С. 86; см. также: 20. С. 363]; на взгляд Л. П. Васиковой, «вполне возможно двустороннее заимствование и влияние» – тюркское и русское [1. С. 200–201]. Впервые зафиксирован в письменном источнике сер. XIX в. [см.: 16. С. 30, 40];

то... то ‘то... то’ < рус. *то... то* [34. С. 17; 5. С. 177; 7. С. 79; 23. С. 70; 17. С. 86; 10. С. 14; 19. С. 103; 1. С. 200–201; 2. С. 106; 16. С. 87]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 87];

или ‘или’ (разг.) < рус. *или* [23. С. 97; 16. С. 40; 4. С. 97]. В. Г. Гавриловой отмечается как самый распространенный сочинительный «союз-включение» [4. С. 97]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 40];

ли... ли ‘ли... ли, не то... не то’ (разг.) < рус. *ли... ли* [см. 16. С. 53]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 53];

г. *льывы... льывы, ливы... ливы* ‘либо... либо, или... или’ (разг.) < рус. *либо... либо* [23. С. 70, 102; 19. С. 103; 16. С. 53–54]. Впервые зафиксирован в письменном источнике пер. пол. XIX в. [см.: 16. С. 53–54];

г. *нето... нето* ‘не то... не то’ (разг.) < рус. *не то... не то* [23. С. 70].

2 союза являются собственно марийскими: л. *теве... теве* ‘то... то’ образовался на базе указательной частицы *теве* ‘вот’ [см.: 10. С. 15; 11. С. 87]; частица *теве* < указательное местоимение уральского происхождения *те* (ср. *тиде, ты* ‘этот’) + суффикс *ве* («очевидно, восходит к слову *вел* ‘сторона’ в форме направительного падежа») [5. С. 187; 7. С. 83], Г. Берецки элемент *-ве* предположительно связывает с финской усилительной частицей *-ra/-pä* (ср. финский пример *sinäpä sen sanoit* «именно ты это сказал»), соответствия которой имеются во всех прибалтийско-финских языках [39. С. 166]. Частица, соответствующая союзу г. *äнят... äнят, нят... нят* ‘не то... не то, то ли... то ли’, согласно И. С. Галкину,

имеет следующую историю: «какое-то слово» *а́нь* + частица *-ат* (см. выше) [5. С. 189; 7. С. 82]; Ф. И. Гордеев корневую часть связывает с древнемарийским словом *аине* ‘да, так’, ср. л., в., г. *ане*, с.-з. *а́нье* ‘да, так’ [8. С. 120, 114].

Остальные 4 союза вошли из тюркских языков: л. *ала... ала* ‘не то... не то’ < тат. *алла... алла* ‘не то... не то, то ли... то ли’ [5. С. 178; 7. С. 79; 17. С. 86; 10. С. 14; 8. С. 78; 19. С. 104; 1. С. 198; 39. С. 163, 257; 20. С. 363]; л., в. *я... я*, в. *йа... йа* ‘или... или, то... то’ < тат. *я... я*, башк. *йа... йа* ‘или... или, либо... либо, то... то’ [33. С. 46; 5. С. 178; 7. С. 79; 17. С. 86; 10. С. 14; 19. С. 104; 1. С. 194; 37. С. 119, 179; 15. С. 47; 39. С. 163, 257; 20. С. 363]; л. *ма... ма* ‘ли... ли’, вероятно, заимствован из татарского языка, ср. частицу тат. *-мы/-ме* ‘ли’, выступающую и как союз [см.: 22. С. 247]; г. *та... та* ‘не то... не то, то ли... то ли’ < чув. *те* ‘не то... не то, то ли... то ли’ [5. С. 179; 7. С. 79; 19. С. 104; 1. С. 202; 37. С. 119, 247].

Таким образом, из 27 сочинительных союзов, представленных в источниках, 14 единиц (или 51,8 %) вошли из русского языка, 4 (или 14,8 %) – из тюркских, остальные 9 единиц (или 33,4 %) – собственно марийские. Как видно, русизмы есть во всех группах сочинительных союзов, но несколько больше их среди разделительных и противительных. Правда, половина русских заимствований (*и; только, что, зато; или, ли... ли*, г. *львывы... львывы, ливьй... ливьй*, г. *нето... нето*) используется главным образом в разговорной речи. Кроме того, заметим, в современной живой речи В. Г. Гаврилова отмечает среди союзов-включений часто используемый *также* и наименее употребляемые *то ли... то ли, не только, то есть* [4. С. 98] (в ранних источниках они не зафиксированы, поэтому в статье не рассматриваются и не учитываются).

Подчинительные союзы

Подчинительные союзы употребляются в сложноподчиненном предложении и служат для связи зависимого предложения с главным. По характеру выражаемых отношений в марийском языке выделяют несколько групп подчинительных союзов.

Изъяснительные (3 единицы): *манын* ‘что’ (также выражает отношения причины и цели; см. ниже); *пуйто/вуйта* ‘будто, как будто’ (также передает сравнительные отношения; см. ниже); *што*, г. *(ы)шты* ‘что’ [23. С. 70, 123; 17. С. 86; 19. С. 103].

Русскими по происхождению являются 2 союза:

пуйто/вуйта ‘будто, как будто’ < рус. *будто, будто* [33. С. 52, 66; 5. С. 180; 7. С. 80; 23. С. 70, 88; 17. С. 86; 19. С. 103; 9. С. 163; 2. С. 121; 39. С. 164, 257; 20. С. 369; 16. С. 32]. Впервые зафиксирован в письменном источнике вт. пол. XIX в. [см.: 16. С. 32];

што, г. *(ы)шты* ‘что’ (разг.) < рус. *что* [23. С. 70, 123; 17. С. 86; 19. С. 103; 16. С. 95; 4. С. 101]. Впервые зафиксирован в письменном источнике пер. пол. XIX в. [см.: 16. С. 95].

Союз *манын* ‘что’, собственно марийский, произошел от деепричастия *манын* ‘говоря’ в результате параллельного изменения семантики и синтаксической роли [5. С. 180, 182; 7. С. 80; 19. С. 96; 2. С. 126]. По мнению Г. Берецки, в действительности это калька из тюркских языков [39. С. 162, 257].

Условные (8 единиц): *гын/гб́нь* ‘если’; *если* ‘если’ [33. С. 93; 23. С. 97; 2. С. 123–124; 25. С. 437; 24. С. 258; 20. С. 369, 373]; *раз* ‘раз, если’ [33. С. 93; 23. С. 70, 113; 24. С. 258]; *коли* ‘коли, коль; если’ [2. С. 121, 123; 26. С. 389]; л., г. *дык*, г., с.-з. *дб́к*, с.-з. *тб́к* ‘если, если бы’ [13. С. 200; 14. С. 45, 240; 25. С. 430; 24. С. 258], *так/дак*, *тб́к/дб́к*, *тык/дык* [39. С. 164]; с.-з. *дб́кб́н*, *тб́кб́н* ‘если’ [13. С. 200; 14. С. 45, 240]; г. *ылгецб́* ‘если бы’ [2. С. 124; 24. С. 258]; условно-сослагательный г. *лигецб́* ‘если, если бы, если бы было, если бы было возможно’ [27. С. 341]. Среди союзов, вошедших из русского языка, А. А. Саваткова приводит (без иллюстрации) слово л. *кавуй* ‘кабы’ [23. С. 70, 98]; ср. с.-з. *кавий* ‘как бы, кабы’ [14. С. 69], который в список союзов не включен [см.: 13. С. 199–200]; в «Словаре марийского языка» слово *кавуй* ‘как бы, кабы’ дано без какой-либо пометы, а в примерах оно выступает только в качестве частицы [26. С. 212].

Из русского языка вошли 4 союза:

если ‘если’ (разг.) < рус. *если* [33. С. 93; 20. С. 369, 373; 16. С. 42; 4. С. 100]. Согласно исследованиям В.Г. Гавриловой, входит в ряд «самых употребительных» подчинительных союзов-русизмов [4. С. 103]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 42];

раз ‘раз, если’ (разг.) < рус. *раз* [33. С. 93; 23. С. 70, 113; 4. С. 100];

коли ‘коли, коль; если’ (разг.) < рус. *коли* [23. С. 100; 16. С. 47]. Впервые зафиксирован в письменном источнике вт. пол. XIX в. [см.: 16. С. 47];

л., г. *дык*, г., с.-з. *дб́к*, с.-з. *тб́к* ‘если, если бы’ (разг.) < рус. *дак* [5. С. 182], рус. *дык* [9. С. 276], рус. *так* [39. С. 164, 257].

Другие союзы – собственно марийские: *гын/гб́нь* ‘если’ «возник из инструктивной формы местоимения *ку*» [5. С. 180–181; 7. С. 79; также: 33. С. 52; 19. С. 94; 9. С. 249], Г. Березки рассматривает его как пермское заимствование в марийском языке [39. С. 159–160, 257]; г. *ылгецб́* ‘если бы’ и г. *лигецб́* ‘если, если бы’ образовались от исконных глаголов бытия уральского происхождения *ылаш* ‘быть, иметься’ и *лияш* ‘быть, становиться’ с помощью условно-сослагательного суффикса *-гецб́* прибалтийско-финско-волжского происхождения (правда, высказаны и другие мнения относительно истории суффикса) [см. 5. С. 147–149]; с.-з. *дб́кб́н*, *тб́кб́н* ‘если’ < условный союз русского происхождения *дб́к*, *тб́к* ‘если’ (см. выше) + суффикс *-б́н*, восходящий к инструктивному форманту **-ин* [9. С. 277].

Уступительные (6 единиц): *гынат/гб́нят* ‘хотя’; *кеч/хоть, хотя* ‘хоть, хотя’; *керек* ‘хоть; пусть’ [36. С. 150; 2. С. 129; 26. С. 314; 20. С. 369]; *тек* ‘хоть; пусть, пускай’ [36. С. 150; 31. С. 73; 20. С. 369]; г. *дыкат*, *дб́кб́т* ‘хотя’ [24. С. 258], с.-з. *дб́к(б́н)б́т*, *тб́к(б́н)б́т* ‘хотя’ [13. С. 200; 14. С. 45, 240].

К русскому источнику восходит только союз *кеч/хоть, хотя* ‘хоть, хотя’ < рус. *хоть, хотя* [5. С. 179–180; 7. С. 80; 23. С. 70, 121; 17. С. 86; 19. С. 103; 2. С. 121; 39. С. 163, 257; 20. С. 369; 4. С. 102]. В работе В.Г. Гавриловой *хоть (хотя)* отмечается как один из «самых употребительных» подчинительных союзов, выступающих в смешанных высказываниях [4. С. 103]. Словообразовательная частица *коч, кеч, хоть* впервые зафиксирована в письменном источнике вт. пол. XIX в. [см.: 16. С. 49, 90].

3 союза образовались на базе марийского языка: *гынат/гб́нят* ‘хотя’ («возник еще в древнемарийском языке») < союз *гын/гб́нь* ‘если’ (см. выше) +

усилительная частица *-at/-ät* ‘и, даже’ (см. выше) [5. С. 181–182; 7. С. 80; 9. С. 249; также: 33. С. 52, 94; 19. С. 94]; г. *дыкат, дьйкät, с.-з. дьйкät, тьйкät* ‘хотя’ < условный союз русского происхождения *дык, дьйк, тьйк* ‘если’ (см. выше) + усилительная частица *-at/-ät* ‘и, даже’ (см. выше) [9. С. 277]; с.-з. *дьйкьйät, тьйкьйät* ‘хотя’ < условный союз *дьйкьй, тьйкьй* ‘если’ (см. выше) + усилительная частица *-ät* ‘и, даже’ (см. выше). Историю последнего союза И.С. Галкин объясняет несколько иначе: *дьйкьйät* ‘хотя’ < *дык* (< рус. областной *дак*) + *гынат* ‘хотя’ [5. С. 182; также: 19. С. 104]; однако позже он изменил свое мнение: *дьйкьйät* < *дьйк* (< рус. *дак*) + усилительные частицы *-ьй* и *-ät* [7. С. 80]. Как видно, единицы *дыкат, дьйкät, тьйкät* и *дьйкьйät, тьйкьйät* образовались по модели собственного союза *гынат*.

2 союза (правда, в нижеприведенных источниках они представлены прежде всего как частицы) – тюркские по происхождению: *керек* ‘хоть; пусть’ < чув. *кирек* [7. С. 82; 37. С. 196], Н. И. Исанбаев, вслед за Ю. Вихманном и Х. Паасоненом, считает его татарским заимствованием [15. С. 76]; *тек* ‘хоть; пусть, пускай’ < чув. *тек* ‘впредь, в будущем; постоянно, часто’ [7. С. 82; 37. С. 247].

Сравнительный (1 единица): *пуйто/вуйта* ‘будто, как будто, словно’ – является русским заимствованием (см. выше). В некоторых работах встречаются случаи включения в данную группу союзного слова *кузе* ‘как’ [21. С. 151; 20. С. 369] и частицы *лач* ‘как раз, ровно’ в сравнительном значении [24. С. 257].

Причинные (5 единиц): *маньин* ‘так как’; *потомушто* ‘потому что’; *уке гын/уке гьйнь* ‘а то, не то, в противном случае’ [36. С. 150; 25. С. 383; 20. С. 313, 369] (противительный [24. С. 256]); *ато* ‘а то, иначе, в противном случае’ [36. С. 150; 25. С. 117; 20. С. 369] (противительный [1. С. 49; 2. С. 106; 20. С. 363, 366]); л. *молан манаш гын* ‘так как, потому что’ (в источниках не зафиксирован). В «Словаре марийского языка» как причинные союзы представлены частицы *вет* ‘ведь’ [25. С. 224] и г. *сйй* ‘ведь, как-никак, все-таки’ [30. С. 163].

Из русского языка вошли 2 союза:

потомушто ‘потому что’ (разг.) < рус. *потому что* [33. С. 52; 5. С. 179; 23. С. 70, 111; 17. С. 86; 2. С. 121; 39. С. 164, 257; 20. С. 369; 4. С. 99]. По данным В. Г. Гавриловой, это один из «самых употребительных» подчинительных союзов-русизмов [4. С. 103];

ато ‘а то, иначе, в противном случае’ (разг.) < рус. *а то* [23. С. 89; 8. С. 165; 1. С. 191; 2. С. 106; 20. С. 366; 16. С. 31]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 31].

3 союза развились в самом языке: *маньин* ‘так как’ < деепричастие *маньин* ‘говоря’ (см. выше); *уке гын/уке гьйнь* ‘а то, не то, в противном случае’ < общемарийское отрицание *уке* ‘нет’ + собственный союз *гын/гьйнь* ‘если’ (см.: выше). В последнее время в лугово-восточном литературном языке для выражения причинных отношений стал употребляться «молодой» составной союз *молан манаш гын* ‘так как, потому что’ (буквально ‘почему сказать если’), преобразовавшийся из вводной конструкции инфинитивной структуры типа *кучыкын каласаш гын* ‘короче говоря’ (буквально ‘коротко сказать если’).

Союзы цели (2 единицы): *маньин* ‘чтобы’ (происхождение см. выше); *штовы/ыштовы, (ы)штывы* ‘чтобы’ (с.-з. *штывьй, штывьт'һн* ‘чтобы’ [13. С. 200]).

Один из них имеет русское происхождение: *итовы/ыитовы, (ы)итывы* ‘чтобы’ (разг.) < рус. *чтобы* [23. С. 70; 17. С. 86; 19. С. 103; 16. С. 95; 4. С. 99; см. также: 24. С. 258]. По наблюдениям В. Г. Гавриловой, в смешанной речи *чтобы* проявляет себя как один из «самых употребительных» союзов-русизмов [4. С. 103]. Впервые зафиксирован в письменном источнике сер. XIX в. [см.: 16. С. 95].

Временные (3 единицы): *как* ‘как, как только, лишь только’ [26. С. 224; 24. С. 259]; *пока* ‘пока’ [29. С. 154]; *так* ‘как только, как’ [31. С. 20]. В качестве союзов с временным значением в иных работах приводятся также союзные слова л. *мо* ‘что, сколько’ [36. С. 151; 20. С. 368], *кунам/кынам* ‘когда’ [21. С. 151; 24. С. 259; 20. С. 368].

2 союза явно заимствованы из русского языка:

как ‘как, как только, лишь только’ (разг.) < рус. *как* [16. С. 43; 4. С. 99]. Впервые зафиксирован в письменном источнике нач. XX в. [см.: 16. С. 43];

пока ‘пока’ (разг.) < рус. *пока* [23. С. 110; 4. С. 99].

В случае с редко (возможно, территориально узко) встречающимся союзом *так* ‘как только, как’ (разг.) < рус. *так*, скорее всего, имеет место переосмысление семантики заимствования под влиянием союза *как* (см. выше), ибо в русском языке слово *так* в союзном употреблении не обнаруживает подобного временного значения. Поэтому рассматривать союз *так* как русское заимствование будет, очевидно, неверно.

Союзы следствия (11 единиц): *сандене/седьндон(о)*, л. *садлан, садлан көра, садлан лийын, садлан верчын, тидлан көра, тидлан лийын*, г. *тйндон* ‘поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого’ [21. С. 151; 2. С. 128; 30. С. 125, 148; 24. С. 259; 39. С. 257; 20. С. 313] (союзные слова [32. С. 299; 33. С. 79; 17. С. 86–87; 36. С. 152]); г. *тидйи (ти, тйи) велдйик* ‘вследствие этого’ [2. С. 128; 24. С. 259]; л. *туге гын* ‘в таком случае, тогда, если так’ [36. С. 151, 152; 31. С. 233; 20. С. 313, 369] (в горном наречии также в качестве союза используется конструкция *тенге гйинь, тйнге гйинь*, но в источниках не зафиксирован); *так что* ‘так что’ [2. С. 121, 124].

Из русского языка заимствован только союз *так что* ‘так что’ (разг.), употребляющийся «в смешанных высказываниях» [4. С. 99].

Сложные и составные союзы *сандене/седьндон(о)*, л. *садлан, садлан көра, садлан лийын, садлан верчын, тидлан көра, тидлан лийын*, г. *тйндон* ‘поэтому, потому, по причине этого, вследствие этого’, несомненно, собственно марийские. Они почти все, кроме простого л. *садлан*, преобразованного от дативной формы указательного местоимения *саде* ‘тот’, развились из местоименных конструкций (местоимения уральского и собственно марийского происхождения л. *са, саде* ‘тот’, *тиде* ‘этот’, г. *седйи, тйи* ‘этот’) с послелогом причинного значения *дене/дон(о)*, л. *көра, лийын, верчын* ‘из-за, по причине’ (послелог *көра* – тюркского происхождения, остальные – собственно марийские) [см.: 19. С. 108, также: 39, 44, 51]. Однако при этом, по-видимому, значительное влияние оказывали тюркские языки, так, союзы *сандене/седьндон(о)*, л. *садлан көра, тидлан лийын* Г. Берецки рассматривает как «кальки из соседних тюркских языков» [39. С. 257]. Союз г. *тидйи (ти, тйи) велдйик* ‘вследствие этого’ представляет собой аналогичную послеложную конструкцию, состоящую из указательных местоимений *тидйи,*

ти 'этот', тӱи 'тот' и причинного послелого *велдӱк* 'из-за, по причине'. По мнению Ф. И. Гордеева, *велдӱк* < *вел* 'сторона; край, страна' + причинный суффикс *-дык* – «сращение показателей локативных падежей *-де* и *-к*» [9. С. 84, 277]. Союз л. *туге гын* 'в таком случае, тогда, если так' сложился из наречия *туге* 'так' и союза *гын* 'если', собственно марийских по происхождению (см. выше).

Следовательно, в использованных источниках представлены 36 подчинительных союзов, из них 13 единиц (или 36,1 %) вошли из русского языка, 2 (или 5,6 %) – из тюркских, 21 единица (или 58,3 %) произошла на почве марийского языка (правда, среди последних большую долю занимают союзы следствия, образованные по одной и той же модели при помощи синонимичных слов – указательных местоимений и причинных послелогов). В литературных языках употребляются главным образом 2 союза-русизма – *пуйто/вуйта* 'будто, как будто, словно', выражающий изъяснительное и сравнительное отношения, и уступительный *кеч/хоть, хотя* 'хоть, хотя'. Остальные союзы русского происхождения: *што*, г. (*ы*)*шты*; *если, раз, коли, дык, дӱк, тӱк*; *потомушто, ато*; *штовы/ыштовы, штывы*; *как, пока; так что* – используются прежде всего в разговорной речи, как видно, среди них преобладают условные союзы (4 единицы). В отличие от сочинительных союзов здесь есть ряд собственно марийских единиц, образованных при посредстве служебных формантов на базе русских заимствований (с.-з. *дӱкӱн/тӱкӱн* 'если'; г. *дыкат*, г., с.-з. *дӱкӱт*, с.-з. *тӱкӱт*, *дӱкӱнӱт, тӱкӱнӱт* 'хотя'), и союз, появившийся в результате переосмысления семантики русского заимствования (*так* 'как только, как'). Нельзя оставить без внимания то, что, помимо вышерассмотренных подчинительных союзов-русизмов, В. Г. Гавриловой зафиксированы в смешанных высказываниях случаи вкрапления и других подчинительных союзов: *как будто* («самый употребительный»), *чем, смотря, лишь бы, што* (в уступительном значении), *как* (в сравнительных оборотах), *тем более* [4. С. 101–103].

Заключение

Итак, по источникам выявлено всего 63 марийских союза, среди которых 27 единиц (или 42,9 %) являются русскими заимствованиями, 6 (или 9,5 %) – тюркскими, 30 (или 47,6 %) – собственно марийские. Из русского языка вошло примерно одинаковое количество союзов сочинительных (14 единиц) и подчинительных (13 единиц), они представлены (правда, в неравной мере) во всех группах союзов. Наибольшая часть союзов-русизмов (19 единиц, или 70,3 %) характерна прежде всего для разговорной речи, меньшая (8 единиц: *да/дӱ, ни... ни, а, но, але... але/ӱли (ӱль)... ӱли(ӱль), то... то, пуйто/вуйта, кеч/хоть, хотя*) – активно функционирует и в литературных языках. Это позволяет утверждать, что русские союзы более всего заимствовались и заимствуются марийским языком через устную речь. Однако, вполне возможно, что на появление отдельных союзов определенное влияние оказали переводы текстов религиозного содержания. Например, союзы *а, и, ни... ни, но, што* были использованы в тексте перевода катехизиса 1804 г. [см. 16. С. 30, 40, 61, 95]. В письменных источниках первой половины и середины XIX в. имели место также союзы *што, либа*, г. *ливы... ливы, але, штобы*, а союз *да* («тя» со знаком ударения) был зафиксирован уже

в словаре Дамаскина (1785). В структурном отношении в марийский язык проникли в основном простые союзы, только 5 единиц восходят к составным источникам: *потомушто* 'потому что', *ато* 'а то', *ито* 'и то', *нето...* *нето* 'не то... не то', *так что* 'так что'. Настоящее исследование еще раз подтверждает, что на формирование системы марийских союзов, а значит, и на развитие сложных предложений и предложений с однородными членами с союзной связью большое влияние оказал русский язык. В живой разговорной речи не менее чем вторую часть используемых союзов составляют русские заимствования.

СОКРАЩЕНИЯ

башк. – башкирский язык; в. – восточное наречие марийского языка; г. – горное наречие марийского языка; л. – луговое наречие марийского языка; рус. – русский язык; с.-з. – северо-западное наречие марийского языка; тат. – татарский язык; чув. – чувашский язык.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. *Васикова Л. П.* Сложные предложения в современном марийском литературном языке. Ч. I: Структурные схемы предложений. Сложносочиненные предложения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1982. 220 с.

2. *Васикова Л. П.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Синтаксис: Пособие для учителя. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 152 с.

3. *Васикова Л. П.* Кырык марла орфографи лымдер. Йошкар-Ола: «Мары Эл ын периодика» изд-во, 1994. 593 с.

4. *Гаврилова В. Г.* Марийско-русский билингвизм: переключение и смешение кодов: монография / Мар. гос. ун-т; В. Г. Гаврилова. Йошкар-Ола, 2014. 212 с.

5. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. I. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1964. 203 с.

6. *Галкин И. С.* Историческая грамматика марийского языка. Морфология. Ч. II. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1966. 168 с.

7. *Галкин И. С.* Марий исторический лексикологий: Тунемме книга. Йошкар-Ола, 1986. 70 с.

8. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. I: А–Б. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1979. 255 с.

9. *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка. Т. II: В–Д. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1983. 287 с.

10. *Иванова З. К.* Однородные члены предложения в марийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1978. 17 с.

11. *Иванова З. К.* Предложения с однородными сказуемыми // Вопросы марийского языка: Вопросы грамматики и лексикологии. Йошкар-Ола, 1980. С. 74–89.

12. *Иванова З. К.* Синтаксические отношения между однородными членами, выраженные соединительными союзами // Вопросы марийского языка. Йошкар-Ола, 1982. С. 123–135.

13. *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Северо-западное наречие марийского языка. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1970. 216 с.

14. *Иванов И. Г., Тужаров Г. М.* Словарь северо-западного наречия марийского языка. Йошкар-Ола, 1971. 304 с.

15. *Исанбаев Н. И.* Марийско-тюркские языковые контакты. Ч. II: Словарь татарских и башкирских заимствований. Йошкар-Ола, 1994. 206 с.
16. *Исанбаев Н. И.* Русские лексические заимствования дооктябрьского периода в марийском языке: словарь-справочник / Мар. гос. ун-т; Н. И. Исанбаев. Йошкар-Ола, 2014. 97 с.
17. *Коведяева Е. И.* Марийский язык // Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. С. 3–96.
18. *Майтинская К. Е.* Сравнительная морфология финно-угорских языков // Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков). М.: Наука, 1974. С. 214–382.
19. *Майтинская К. Е.* Служебные слова в финно-угорских языках. М.: Наука, 1982. 185 с.
20. *Мустаев Е. Н.* Сопоставительное языкознание. Русский и марийский языки: Учеб. пос. / Мар. гос. ун-т; Е. Н. Мустаев. Йошкар-Ола, 2013. 396 с.
21. *Пенгитов Н. Т.* Сопоставительная грамматика русского и марийского языков. Ч. I: Введение, фонетика, морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1958. 176 с.
22. Русско-татарский словарь. 3-е изд., испр. / под ред. Ф. А. Ганиева. М.: Рус. яз., 1991. 736 с.
23. *Саваткова А. А.* Русские заимствования в марийском языке. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1969. 130 с.
24. *Саваткова А. А.* Горное наречие марийского языка // *Bibliotheca seremissica*. T. V. Savariae, 2002. 292 о.
25. Словарь марийского языка. Т. I: А–З. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1990. 488 с.
26. Словарь марийского языка. Т. II: И–К (кабак – коса). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1992. 464 с.
27. Словарь марийского языка. Т. III (косараш – ляпкыме). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1994. 504 с.
28. Словарь марийского языка. Т. IV: М–Ӧ (ма – ӧрчыктарымаш). Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1998. 384 с.
29. Словарь марийского языка. Т. V: Ӧ–П. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 508 с.
30. Словарь марийского языка. Т. VI: Р–С. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2001. 368 с.
31. Словарь марийского языка. Т. VII: Т. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2002. 432 с.
32. Современный марийский язык. Морфология. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 323 с.
33. Современный марийский язык. Синтаксис сложного предложения. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1961. 152 с.
34. *Тимофеева В. Т.* Сложносочиненные предложения в марийском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Йошкар-Ола, 1959. 21 с.
35. *Тимофеева В. Т.* Кызытсе марий йылме. Простой предложений синтаксис: Туныктышылан польш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1989. 120 с.
36. *Учаев З. В.* Марий йылме: Факультативный занятийым эртарыме учебный пособий. Туныктышо-влаклан. 2-шо ужаш. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 1985. 183 с.
37. *Федотов М. Р.* Чувашско-марийские языковые взаимосвязи. Саранск: Изд-во Саратов. ун-та. Саран. фил., 1990. 336 с.
38. *Хайду П.* Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е. А. Хелимского. М.: Прогресс, 1985. 430 с.
39. *Bereczki G.* A seremisz nyelv történeti alakтана. Debrecen, 2002. 290 о.

Поступила в редакцию 04.04.2016

S. S. Sibatrova

Russian Borrowings in the System of Conjunctions in the Mari Language

The paper aims at establishing which conjunctions in the Mari language are of Russian origin and what their place is in the system of Mari conjunctions. According to the results of the research nearly half of coordinating conjunctions (14 of 27) and more than third of subordinating conjunctions (13 of 36) in the Mari language have been borrowed from Russian. In general Russian loans make up almost half of all Mari conjunctions (27 of 63, or 42,9 %). The rest of conjunctions are of Mari (30 items, or 47,6 %) or Turkic (6 items, or 9,5 %) origin. The essential part of conjunctions borrowed from Russian (19 items, or 70,3 %) is used mostly in spoken language and just 8 items (*да* 'and', *ни... ни* 'neither...nor', *а* 'but, and', *но* 'but', *але... але* 'either... or', *то... то* 'now... now', *пуйто* 'as, like', *кеч* 'even, though') are used actively in the Mari standard language. Thus Russian conjunctions have been borrowed and are still being borrowed primarily via spoken language. However, if we look at the history of the language, the introduction of some conjunctions might have been influenced by translations of religious texts: for instance, the translation of the Catechism (1804) contains conjunctions *а* 'but, and', *и* 'and', *ни... ни* 'neither... nor', *но* 'but' and *умо* 'and even then'. Observing the structure of Russian borrowings one can say, that mostly simple conjunctions were adopted. Just 5 items are derived from compound conjunctions: *потомушто* 'because', *ато* 'otherwise', *умо* 'and even then', *нето... нето* 'either... or' and *так что* 'so'. As one can see, the Russian language has greatly influenced the formation of the system of Mari conjunctions (which means that it also influenced the development of complex sentences and sentences with coordination).

Keywords: Mari language, conjunction, Russian borrowing, Turkic borrowing, Mari origin.

Сибатрова Серафима Сергеевна,

кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник,
Марийский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории им. В. М. Васильева
424036, Россия, г. Йошкар-Ола, ул. Красноармейская, 44
E-mail: simasibatrova802@rambler.ru

Sibatrova Serafima Sergeevna,

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Research Fellow,
Mari Research Institute of Language,
Literature and History named after V. M. Vasilyev
424036, Russia, Yoshkar-Ola, Krasnoarmeyskaya St., 44
E-mail: simasibatrova802@rambler.ru